

Mateusz Jaworski

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Образы постнациональной действительности в прозе Владимира Сорокина и Виктора Пелевина

В сложной реальности второго десятилетия XXI века, характерными свойствами которой являются текучесть, аксиологическая размытость и многовекторность общественно-культурных явлений¹, особое место занимает категория *народа*. Интересно, что именно во время неограниченного напора, или точнее – экспансии, западных поведенческих образцов, нередко основанных на поверхностном понимании свободы лишь только в резко ограниченном, сугубо личностном контексте, проблема коллективной идентичности играет ведущую роль на идейном уровне ныне создаваемых художественных текстов. Заинтересованность в вопросах принадлежности к разного типа общественным группам, а также их влияние на мировоззрение миллиардов людей, населяющих нынешний мир несомненно не ускользает зоркому взгляду современных мастеров слова. Однако следует подчеркнуть, что литературный процесс необязательно ограничивается наблюдением за текущим состоянием широко понимаемой действительности, пытаясь разгадать тайну будущего по следам, уловимым исключительно необыкновенно острому видению писателя-демиурга (но не писателя-пророка, так как современный литератор именно *создает* миры, будучи частью гетеротопического пространства неопределенности, в котором отсутствует организующая, доминирующая точка опоры)². Свои путешествия по разнообразию *возможных* будущих реальностей совершают многие русские писатели, среди которых бесспорно заслуживают внимание заинтересованного читателя Виктор Пелевин³

¹ BAUMAN Z., *Płynna nowoczesność*, Kraków, Wydawnictwo literackie 2006.

² MCHALE B., *Powieść postmodernistyczna*, tłum. M. Płaza, Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012, s. 23.

³ GOMEL E., *Viktor Pelevin and Literary Postmodernism in Post-Soviet Russia*, „NARRATIVE” 2013, No. 3 (21), p. 310.

и Владимир Сорокин⁴. Оба писателя в своих произведениях ставят акцент на вопрос национальной идентичности. В последующей попытке сравнительного анализа свое внимание сосредоточим на футурологических образах категории народа в романах *S.N.U.F.F* и *Теллурия*.

Художественная словесность, особенно в своем русском ответвлении, не существует в изоляции, соприкасаясь со своей родной средой – гуманитарной мыслью, совмещающей философию, теорию литературы, историю, социологию, психологию и др. Многочисленные интерпретации прозы Сорокина и Пелевина нередко оказываются попыткой прочтения литературного текста сквозь призму нелитературных знаний, или точнее – при помощи инструментов, выработанных в рамках других, в том числе вышеуказанных, дисциплин. В данном ракурсе настоящая работа не является исключением, так как контекстуальное осмысление разрабатываемой нами темы требует выхода за пределы не только художественных миров интерпретируемых романов, но также релевантной литературной критики.

Любопытно, что в обоих интересующих нас текстах – *Теллурии* и *S.N.U.F.F* – диалектически разыгрываются идеи Фрэнсиса Фукуямы и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Американский социолог в своей нашумевшей статье *Конец истории?*⁵ выдвинул гипотезу об окончательном завершении динамического развития исторического процесса. Либеральная демократия, по словам Фукуямы, является последним этапом, вершиной потока мировой истории, а дальнейшие существенные изменения в его пределах невозможны. В таком ракурсе действительность организуется идеей сбывшейся мечты о гармонии, отсутствии военных конфликтов и экономическом процветании обществ (с доминирующей ролью потребительского образа жизни). Пелевин и Сорокин явно опровергают (и высмеивают) эту идею, так как при чтении обоих романов читатель знакомится с миром *после* масштабной общественной катастрофы, вызванной резкими геополитическими изменениями.

В *S.N.U.F.F* события происходят в реальности, лишенной традиционных границ между странами, в рамках которой можем различить людей только по принципу социально-онтологического статуса. Выбор такой организации общественной жизни в романе явно не случаен, так как Пелевин здесь разыгрывает фукуямовскую идею *тимос*, т. е. стремление к признанию других людей, заменяющее более масштабную, геополитическую динамику изменений реальности⁶. Итак, по тексту русского писателя, продвинутая часть мирового насе-

⁴ МИЩЕНКО Т., *Путешествие в будущее с “Сахарным Кремлем” Владимира Сорокина*, „Литература в контексті культури“ 2009, № 19, с. 208-215.

⁵ FUKUYAMA F., *The End of History?*, “The National Interest” 1989, No. 16, p. 3-18. См. также ФУКУЯМА Ф., *Конец истории и последний человек*, пер. М. Левина, Москва, Издательство АСТ, 2010.

⁶ См. DRYZEK J., HONNIG B., PHILLIPS A. (ed.), *The Oxford Handbook of Political Theory*, New York, Oxford University Press, 2006, p. 23.

ления обитает (причем как в буквальном, так и метафорическом плане) внутри воздушных шаров над землей, в то время как отсталая доля оставшихся при жизни, определяемая с помощью несомненно двузначного слова «урки»⁷, ведет скудную экзистенцию на разрушенной территории бывшего (по-фукуямовски законченного) мира. Причиной этого разрушения, начавшегося по тексту Пелевина в первой половине XXI века, был мировой конфликт с участием супердержав:

В эпоху Древних Фильмов были две великие страны, Америка и Цхина, которые возвышались над мировым Хаосом и питали друг друга. Когда древность пришла в упадок, Цхина отгородилась от мира Великой Стеной и распалась на отдельные царства, а в Америке начались войны между хиспаниками и афронигерами, и она разделилась на несколько враждующих территорий⁸.

Стоит заметить, что это разделение больших стран на множество маленьких было лишь только первым этапом, за которым последовал даже более роковой (на этот раз ядерный) конфликт, выгнавший часть населения на вышеупомянутые шары и сформировавший теперешнюю форму Уркаины⁹, т. е. запоздалой страны оставшихся при жизни обитателей огромных просторов бывшей России (или шире – СССР).

Действительность Теллурии, с другой стороны, основана на существовании пропасти разного типа раздробленных государственных структур, которые, в отличие от пелевинского образа технологически сверхразвитой реальности офшаров, погружены во мраке отсталости нового Средневековья:

Когда развалилась постсоветская Россия и стали образовываться так называемые государства постсоветского пространства, наш первый правитель, Иван Владимирович, однажды пригласил нас, новых рязанских дворян, к себе. Обмен мнениями, банкет, гусяры, как обычно¹⁰.

Итак, история XXI века в тексте Сорокина оказывается нестабильным пространством энтропии и воплощением управляющего миром хаоса. Русский писатель указывает на отсутствие целенаправленности масштабных событий, которые, вопреки желанию многих, не движутся по рационально обоснованному пути. Следует также подчеркнуть, что новые государственные структуры, заменившие устоявшийся геополитический порядок ничуть не отражают современного состояния мира, что, учитывая относительную временную близость событий романа, совершенно опровергает идею конца истории:

⁷ См. <https://news.rambler.ru/other/37463747-urka-otkuda-vzyalos-eto-slovo/> [доступ: 17.09.2019].

⁸ ПЕЛЕВИН В., *S.N.U.F.F.*, Москва, Издательство «Эксмо», 2015, с. 71.

⁹ Здесь очень заметна увлеченность Пелевина в игре слов, особенно в контексте взаимных отношений России и Украины.

¹⁰ СОРОКИН В., *Теллурия*, Москва, Издательство Corpus, 2013, с. 67.

Так вот, подвел он [Иван Владимирович – М.Я.] нас к бильярдному столу, взял шар и говорит: сейчас господа новые дворяне, я продемонстрирую вам наглядно феномен истории XXI века. Взял один шар и пустил его в лузу. Шар туда благополучно свалился. Берет он другой шар, спрашивает: сейчас я пушу его по тому же пути. Что будет с шаром? Мы хором отвечаем: упадет в лузу. Он пускает его, а сам нажимает кнопочку на пультике. Шар перед лузой взрывается, разваливается на куски. И куски слоновой кости, драгоценнейший вы мой, лежат перед нами на столе. (...) этот стол – мировая история. А этот шар – Россия. Которая начиная с 1917 года неумолимо катилось в лузу. То есть к небытию мировой истории. И если бы она шесть лет назад не развалилась на части, то исчезла бы навсегда¹¹.

Разрушение мирового порядка указано в *Теллурии* не только на уровне сюжета, в рамках которого внимательный читатель легко найдет намеки на разрушение всех больших государственных структур, но также, что намного тоньше и интереснее, на уровне самой формы романа. Текст Сорокина до крайности неоднороден и расчленен, так как его отдельные части не составляют даже подобия логически развертываемого действия. Стоит заметить, что, на наш взгляд, элементом, придающим данному произведению целостный характер, не является заглавный теллур, а именно глубокое значение *целеустремленной несвязности сорокинского письма*.

Несомненно любопытным контекстом при интерпретации функционирования категории *народа* в выбранных текстах русских писателей является также специфическое значение этноса в размышлениях Гегеля. Автор *Феноменологии духа*, раскрывая свое понимание телеологии исторического процесса, полагает, что именно народ (в отличие от отдельных индивидуумов) наделяется *мировым духом* – воплощением эпистемологического идеала. К тому же Гегель усматривает конечную цель истории в институте государства, реализующего принцип нравственности¹²: «нравственность есть *государство*, приведенное к своему субстанциальному внутреннему существу, и что само государство представляет собой развитие и осуществление нравственности»¹³. Идея государства-носителя-моральности в интересующих нас текстах безусловно компрометируется, но Сорокин и Пелевин выбирают крайне разные способы достижения данной цели.

В романе *S.N.U.F.F.* писатель создает образ глобализированной реальности, опирающейся на полное слияние всех мировых нации. Мир, описываемый-со-

¹¹ Там же, с. 67–68.

¹² ЯВОРСКИ М., *Реконфигурация в романной поэтике Виктора Пелевина. Солипсизм – язык – история*, 2017, <https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/17914/1/Реконфигурация%20в%20романной%20поэтике%20Виктора%20Пелевина.%20Солипсизм%20-%20язык%20-%20история.pdf> [доступ: 17.09.2019].

¹³ ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф., *Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа*, пер. Б. Фохта, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1956, с. 335.

здаваемый главным героем – Домилолой Карповым (ведь он сам приписывает себе такую роль: «Если говорить о моей работе – я создатель реальности»¹⁴) функционирует преимущественно по принципу унификации, которая распространяется на все аспекты общественной и индивидуальной жизни людей. Любопытным примером здесь может оказаться оригинальная трактовка очень часто преобладающей в художественных попытках изображения будущего проблема напряжения между представителями поклонников разных религий. В постдействительности *S.N.U.F.F.* существует единый культ Маниту, совмещающий в себе все доминирующие вероисповедования. Один из главных персонажей Грым во время посещения храма (и здесь даже не требуется доопределение) видит ряд резко отличающихся по виду статуй нового божества. Этот факт объясняется священником Аленой-Либертиной следующим образом:

Тебе интересно, кто все эти люди? (...) Мы называем словом «Маниту» каждого из них. Ибо за каждым стоит целая эра в истории человечества. Они были рупором вечной истины. Любое их слово в свое время потрясло мир, и к нему писали тома примечаний с комментариями. Но сейчас люди даже не помнят их имен¹⁵.

Следует обратить внимание на то, что название объекта этого массового культа единозвучно с определением телевизора будущего (хотя здесь Пелевин явно ведет языковую игру вокруг английского слова «money» и русского «манить»). Данный пример очень важен в контексте интересующей нас категории *народа*, так как этническая идентичность и религия тесно связаны. Поэтому в реальности текста автора *Чапалева и Пустоты* отменяется сама идея нации, так как принадлежит она к уже стертому, неактуальному мышлению о месте человека в мире. Эту ситуацию описывает Домилола в своем разговоре с Каей:

Я не русский, — сказал я ей, — Или, вернее, я пост-русский. Отсутствует общая судьба с ребятами, не сумевшими вовремя перелезть в офшар. И Грым тоже не русский. Он *орк с номером вместо национальности* [курсив – М. Я.]. Русский во всем этом только язык, на котором мы сейчас говорим. И даже он уже не русский, а верхнерусский. Не путать с верхне-среднесибирским. *Никаких национальностей в Сибири уже лет триста как нет* [курсив – М.Я.]¹⁶.

В своем фантазировании о будущем Сорокин изображает несколько другой ход развития мировой истории. В *Теллурии*, не только стилистически связанной с предыдущими романами о новом Средневековье – *Днем опричника* и *Сахарным Кремлем*, смесь религиозного и националистического напряжения вызывает бесконечную борьбу за преобладание между ортодоксальным хри-

¹⁴ ПЕЛЕВИН В., *S.N.U.F.F.*, Москва, Издательство «Эксмо», 2015, с. 12. Данный фрагмент может также интерпретироваться на более глубоком уровне как металитературный комментарий к рассказываемой истории.

¹⁵ Там же, с. 403.

¹⁶ Там же, с. 191.

стианством и радикальным исламом. В результате представленные события возможного будущего перекликаются с прошлым, особенно с множественными религиозными войнами (в тексте неоднократно упоминаются различные конфликты между христианами и ваххабитами¹⁷). Интересно, что Сорокин строит эту новую действительность (в противоположность вышеначерченному миру романа *S.N.U.F.F.*) по принципу поступающего раздробления, или даже – разрушения, национальной идентичности, которое не означает, однако, исчезновения самой категории народа. Причем следует подчеркнуть, что распаду подвергается не только Россия¹⁸, но также Америка и Западная Европа¹⁹:

Европа колыбель цивилизации. Старушка. Ей пришлось нелегко. Ваххабитский молот ударил по ней. Ударил беспощадно, жестоко. Но Европа выдержала этот удар, хребет ее не сломался. Хотя и треснули многие кости. Она раздроблена, раздавлена. Но – жива²⁰.

Такое состояние мирового порядка несомненно воздействует на некие сдвиги в области самоидентификации, так как новые государства нуждаются в новой мифологии и общих культурно-этнических основах. Этот процесс обычно длится сотни или тысячи лет, но в *Теллурии* происходит внезапно и неожиданно. Любопытную ситуацию описывает один из теллурических плотников:

Встречает меня управляющий заказчика, вполне приличный, цивилизованный господин с охраной, говорит по-английски, сопровождают в хутор. Подъехали – батюшки-светы! Превосходная усадьба из дерева, и не под кондовую Русь, а бунгало эдакое, пристройки, конюшня, сады, огороды, стрельбище, аэродромчик, три бассейна, водопад. Проводят к хозяевам. Отец и сын. Причем отец американец, а сын калифорниец²¹.

Здесь заметна динамика изменений в плане этнической идентичности, так как лишь одно поколение хватает для отстранения мировоззрения отцов в пользу новой национальной принадлежности. Симптоматично также то, что помимо разных (и в какой-то степени антагонистических) идентичностей отношения между отцом и сыном характеризуются необыкновенной нежностью и чувствительностью. Таким образом автор *Дня опричника* разоблачает

¹⁷ См. например СОРОКИН В., *Теллурия*, Москва, Издательство Corpus, 2013, с. 182, 187-188. Нельзя не отметить, что навязчивые упоминание о многочисленных войнах между поклонниками ислама и христианства заметно и в следующем романе Сорокина – *Манарага*. Ср. СОРОКИН В., *Манарага*, Москва, Издательство Corpus, 2017, с. 165-167.

¹⁸ Здесь создаются многочисленные княжества, республики и т. п. Уже в начале романа читатель узнает, что территория России в мире *Теллурии* резко отличается от своего реального аналога: «Ладонь большого напоминала Зорану Россию, не так давно простиравшуюся от Смоленска до самых Уральских гор». СОРОКИН В., *Теллурия*, Москва, Издательство Corpus, 2013, с. 8.

¹⁹ Напр. «Здесь на юге бывшей Франции...». Там же, с. 167.

²⁰ Там же, с. 268.

²¹ Там же, с. 272-273.

безднадежность (или – ненадежность) мышления с помощью категории народа в постмире.

Особенно интересным в данном ракурсе оказывается минимализм рассказчика последней главы, который дезавуирует идею коллективной идентичности, возвышая предельный индивидуализм. Учитывая не подвергающую сомнению изысканность композиции произведений Сорокина, следует отметить финальный, заключительный характер данной части *Теллурии*. Рассказчик ломаным языком, с помощью поверхностно бессвязной речи констатирует:

Буду хлеб печь, пиво варить да на печи греться. Мож, зверушку какую лохматую заведу себе для дружбы, чтоб не скучать. Нам лишнего не надобно, ни баб, ни кина, ни пузырей, ни пирамидок, ни гвоздей, ни войны, ни денег, ни начальства вашего. Так и доживу свой век. Дом есть, крыша не текет, пожрать есть что. На работу ходить не надобно, паши знай на себя любимого. Спи, когда тебе вздумается. Кланяйся токмо солнышку. Ласкай токмо зверушку лохматую. Преркайся токмо с птицами лесными. Что еще человеку надо?²².

Приведенный выше фрагмент очень образно указывает на возможную форму мира, в котором государство является лишь временной структурой, а народ – легко меняемой маской. Человек лишен национальной идентичности, традиции и истории, словно полагает Сорокин, лишается достижений культуры и постепенно замыкается в своем новом, ложно удобном, микрокосмосе умственной отсталости.

Целью настоящих вступительных размышлений о функционировании категории *народа* в *Теллурии* Владимира Сорокина и *S.N.U.F.F.* Виктора Пелевина была попытка контекстуальной интерпретации данных произведений. Несомненно релевантными оказались философские, социологические и историософские констатации Фрэнсиса Фукуямы и Георга Гегеля. Оба русских писателя создают возможные миры будущего, в которых разрушается, или – подерридаински деконструируется, значение этнической идентичности. С точки зрения сравнительной интерпретации любопытно, что Пелевин и Сорокин очень близки на идейном уровне, который изображается, однако, при помощи совершенно других форм. Действительность романа *S.N.U.F.F.* опирается на слияние, размывание, унификацию всех элементов жизни человека, в то время как мрачная реальность *Теллурии* построена вокруг идеи поступающего разрушения, расчленения, раздробления как коллективного, так и индивидуального сознания.

Библиография

BAUMAN Z., *Płynna nowoczesność*, Kraków 2006.

FUKUYAMA F., *The End of History?*, “The National Interest” 1989, No. 16, p. 3-18.

²² Там же, с. 441.

- ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф., *Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа*, пер. Б. Фохта, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1956.
- GOMEL E., *Viktor Pelevin and Literary Postmodernism in Post-Soviet Russia*, „NARRATIVE” 2013, No. 3 (21), p. 309-321.
- ЯВОРСКИ М., *Реконфигурация в романной поэтике Виктора Пелевина. Солипсизм – язык – история*, 2017, <https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/17914/1/Реконфигурация%20в%20романной%20поэтике%20Виктора%20Пелевина.%20Солипсизм%20-%20язык%20-%20история.pdf> [доступ: 17.09.2019].
- MCNALE B., *Powieść postmodernistyczna*, tłum. M. Płaza, Kraków 2012.
- МИЩЕНКО Т., *Путешествие в будущее с “Сахарным Кремлем” Владимира Сорокина*, „Литература в контексті культуры” 2009, № 19, с. 208-215.
- ПЕЛЕВИН В., *S.N.U.F.F.*, Москва, Издательство «Эксмо», 2015.
- PHILLIPS A. (ed.), *The Oxford Handbook of Political Theory*, New York, Oxford University Press, 2006.
- СОРОКИН В., *Манарага*, Москва, Издательство Corpus, 2017.
- СОРОКИН В., *Теллурия*, Москва, Издательство Corpus, 2013.

Pictures of postnational reality in the prose of Vladimir Sorokin and Viktor Pelevin

Abstract: The paper aims at analyzing the importance of national identity in the selected works by Vladimir Sorokin and Viktor Pelevin. Both writers place significant emphasis on presenting the possible consequences of the present social changes. Pelevin predicts the unification of the world's biggest countries into a homogenous structure based on people's recognition. On the other hand, Sorokin forecasts the division of the present states into smaller structures, which will need to (re)construct their own identity. The interpretation is complemented with relevant ideas of Hegel and Fukuyama.

Keywords: nation, national identity, Vladimir Sorokin, Viktor Pelevin, postmodernism